

Герман Шелков

ХОРОШО

И

ПЛОХО

БЫЛО

ЖИТЬ

В

СССР

Герман Шелков

**Хорошо и плохо было
жить в СССР. Книга вторая**

«Телеграф»

2016

УДК 821.161.1-32 Шелков
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шелков Г.

Хорошо и плохо было жить в СССР. Книга вторая /
Г. Шелков — «Телеграф», 2016

ISBN 978-5-902845-21-8

Люди, жившие в СССР, каждый по-своему, но с поразительной искренностью рассказывают о советской стране — о дворах, детстве, семье, занятиях, работе, взаимоотношениях и о многом прочем из своей повседневной жизни.

УДК 821.161.1-32 Шелков
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-902845-21-8

© Шелков Г., 2016
© Телеграф, 2016

Содержание

Книга вторая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Герман Шелков

Хорошо и плохо было жить в СССР. Книга вторая

Эпизоды курения и употребления спиртного в тексте являются неотъемлемой частью описываемой в книге эпохи.

Все совпадения случайны.

Книга вторая

Роман Су – вский, 1952 года рождения: «После окончания техникума я мог остаться в родном городе, но мне хотелось романтики, ярких впечатлений. Что в этом плохого? Я пришел в комитет ВЛКСМ, а там сто таких же ребят, как я. Выходит какой-то инструктор и говорит: «Вот она, гордость нашей страны – советская молодежь! Сильные, смелые, умелые. Золотой запас нашей родины. Готовы ли вы к трудовым подвигам?» Мы улыбаемся. Конечно, готовы! Мы не лентяи. Хотим трудиться, согласны ехать хоть на край света. Спрашиваем комсомольские путевки: «Дайте что-нибудь трудное, где тайга, бурные реки, скалы, айсберги!» Инструктор рад, что мы желаем для себя трудностей. Он нас поддерживает и уважает. И я поехал на строительство в самую что ни на есть тайгу.

Пять дней ехал в поезде. Ел гречневую кашу с мясом, булки, шоколад, пил лимонад, чай. Спал, читал книги. Играл с попутчиками в лото. Снова ел кашу с мясом, перловую, потом рисовую. Помню, что эта еда мне нравилась. Тарелка с кашей завернута в алюминиевую фольгу. Каша горячая, вкусная, проводник предлагает ее каждому пассажиру, у него полная тележка этих тарелок в фольге. Стоит дешево. И всегда чайник прекрасного чаю. Я спросил у проводника: «Хорошо ли на вашей должности?» Он сказал: «В любой работе есть плюсы и минусы. В моей – больше плюсов». Когда-нибудь и меня так спросят, и я тоже так отвечу.

Приехал на строительство. Места очень красивые, природа живописная, незабываемая. Много молодежи, парней, девушек, однако немало и зрелых людей, семейных. Прораб мне объясняет: «Едут сюда многие. Но учти: бездельников не держим, авантюристов тоже. Тут только ответственные люди, дисциплинированные». Мне это понравилось. Моя специальность была связана с электричеством, но прораб сказал, что электротехников у них в избытке, зато каменщиков не хватает. «Поэтому, – объявил он, – беру тебя каменщиком. Эта работа не только интересная, но и хорошо оплачиваемая. Не думай, что не справишься. Все справляются. Поможем, научим, направим». Я стал работать каменщиком. Поселился в общежитии, в комнате на четверых, занял койку у окна. Слушаю разговоры: говорят, что мы не просто жилые дома для нуждающихся людей строим, а в том числе и для себя, то есть как построим дом, так в нем же и поселимся. Каждому дадут квартиру.

И вот я живу и работаю в таком месте, куда съехались люди со всей страны, наверное, из всех пятнадцати республик. Приятели появились быстро. Такие же ребята, как я. Вдруг как-то вечером ко мне является делегация, восемь человек, и говорят, что они вроде народной дружины. «Запоминай, – говорят, – какие у нас здесь правила». И рассказывают, что у них тут высокая дисциплина, причем не только трудовая, но и общественная. Каждый труженик соблюдает определенные правила поведения. Сначала – насчет девушек и женщин. К замужним, имея личный интерес, подходить нельзя. Эти женщины уже заняты и преданы своим мужьям, и тому, кто попытается их скомпрометировать, грозит серьезное разбирательство. Незамужние девушки тоже находятся под защитой. Рабочая дружина даст отпор любому легкомысленному повесе, хулигану и вообще невыдержанному товарищу. Свободные, незамужние девушки не игрушки, не куклы. Они мечтают о семье, о полноценной ячейке общества, поэтому никакое бескультурье в их сторону недопустимо. Легкомысленные порывы тоже. Только спокойные, здоровые, достойные советского человека ухаживания и только самые серьезные намерения. Услышав это, я обрадовался и сказал: «Эх, да ведь это как раз мне по душе!»

Затем мне рассказали об отношении к спиртному. Пьяниц тут презируют, забулдыг нет и не будет. Потом – о внешнем виде: заросших дикарей, замухрышек и грязнуль местное общество не терпит. Как и грубиянов-сквернословов. Здесь растет, поднимается город

высокой культуры, и поэтому уже сейчас категорически запрещено сквернословить. Хочешь крепко выругаться, иди подальше в тайгу и ругайся, можешь даже остаться там навсегда. Я согласился с каждым пунктом.

Вот как замечательно советские люди организовали жизнь! Осваивают тайгу, строят заводы, фабрики, города, и прежде всего заботятся о взаимоотношениях и культуре.

Дома мы построили быстро и качественно. Новенькие корпуса выросли прямо в тайге. Между огромными соснами проложили каменные дорожки. Загляденье! Пригласили художников-оформителей, монументалистов. Я любил смотреть, как складывают мозаику. Работали две бригады по три человека. Каждый художник хорошо знал свое дело, действовал умело. Одной бригаде, помню, поручили тему созидательного труда, а другой – освоение космоса. И обе справились великолепно!

Однажды вызвали меня к начальству и спросили, не забыл ли я свою первую профессию. Каменщиков тогда уже хватало, а вот энергетическому хозяйству вдруг потребовались специалисты. Я согласился. Ушел из бригады на строительстве, стал электротехником. Рассуждал я так: согласен трудиться на каком угодно участке, лишь бы это приносило пользу нашему общему делу. Ведь что такое наш городок? Образец самой лучшей жизни. Без преувеличений. Все мы, советские люди, прежде всего действуем коллективно, следовательно, наш городок принадлежит всем нам. Нет никаких разделений, все равны. Мы самое свободное общество на свете. Когда мне выдали ордер на квартиру, я был в восторге, хотя и знал, что именно так и произойдет. Случилось то, что должно было случиться. Но мне предоставили не отдельное жилье, а как холостому выделили комнату в двухкомнатной квартире, с соседями-молодоженами. Объяснили: если в этой молодой семье родится ребенок, мне предоставят комнату в другой квартире. А если я заведу свою семью и в ней тоже появятся дети, вот тогда отдельное жилье мне положено по праву. Я считаю, это верно. Руководство в первую очередь заботилось о семейных людях и в то же время призывало одиноких создавать семьи. Правильная государственная политика.

Некоторые знакомые и приятели из моего родного города писали мне письма, спрашивали, хорошо ли тут у нас. Их интересовало все сразу: каково снабжение, какие виды из окна и люди, есть ли хорошенькие девушки и женщины, имеются ли кафе с музыкантами и, конечно, много ли платят. Но я всегда знал, что это не простое любопытство, а такое проявление человеческой натуры, когда имеется очень большое желание вкусить хорошей жизни, воспользовавшись всем готовым. Это такие люди, которых прежде всего интересуют всевозможные блага и прямая выгода. Это лентяи. А нашему городу такие индивидуумы не нужны. Зачем нашему славному городу лоботрясы и мещане? Нет, пусть остаются дома. Поэтому я всегда писал в ответ, что все мы тут тяжело трудимся, терпим временные неудобства, лишения и с оптимизмом смотрим в будущее. Меня переспрашивали: «Это правда? Ты ничего не перепутал? Мы слышали, что у вас тут красота и уют во всех отношениях, кругом легкость и веселье». А я твердил в ответ: «У нас кругом еще строительные леса, все ходят в спецовках, живут в общежитиях, обедают в рабочих столовых». Я хотел раз и навсегда разочаровать некоторых моих знакомых, чтобы они сюда не приезжали и не глазели по сторонам, как хищники, думая, чем бы поживиться. И мне, надо сказать, это удалось.

Впрочем, два моих приятеля все равно приехали, но это были ответственные ребята. Один из них устроился официантом в кафе. Спокойный, отзывчивый парень, готовый к неудобствам, к трудностям. Работал он хорошо, его хвалили. Всегда опрятный, вежливый. По моему мнению, это очень важно, с кем ты имеешь дело, когда приходишь в кафе, в ресторан. Мне приходилось видеть равнодушных официантов, таких манекенов с непроницаемыми лицами. Принимая заказ, они смотрят в сторону или поверх вашей головы и никогда не улыбнутся. Сразу видно, что они не на своем месте, не ту выбрали профессию. А мой приятель признался, что приехал в тайгу именно для того, чтобы поработать для простых

трудовых людей, а не для городских пижонов. Городские хамы, выскочки и бездельники ему надоели. «Я понимаю, что однажды они переведутся, исчезнут вовсе, – говорил он. – Но сколько на это понадобится времени? А я хотел бы уже сегодня пожить в таком обществе, где умные, добросовестные, самоотверженные люди строят чудесную жизнь». Как хорошо сказал! Я имел такие же убеждения.

В нашем таежном городке установилась замечательная атмосфера. Легкость, радость и уважение друг к другу – это про нас. Наша главная идея – труд на благо родины. Просыпаясь утром и напеваешь, потому что у тебя хорошее настроение. А почему оно у тебя хорошее? Потому что впереди тебя ждет прекрасный день, прекрасные люди, красивая природа, новенькие многоэтажные дома с мозаикой. Идешь на работу, а из репродукторов льются бодрые, звонкие песни. Мне всегда нравилось понятие «энтузиазм». Я энтузиаст по своей натуре, на таких, как я всегда стояло наше могучее государство. Я больше всего ценю атмосферу всеобщего подъема и ответственного отношения к делу.

Через два месяца к моему приятелю официанту приехала близкая знакомая, хорошенькая девушка Наташа. А он живет в общежитии, у него там только кровать и маленький столик. И я ему уступил на время свою комнату в квартире, а сам перебрался в общежитие. В благодарность он хотел подарить мне пыжиковую шапку, но я отказался. Иногда я ходил с этой парочкой в клуб на кинофильм и в кафе. Мы вместе катались на лыжах. В зимнее время в выходной день половина города вставала на лыжи, в лыжном пункте проката было столпотворение. Но при этом ни одного случая грубости, хамства или наглости! Помню, что грубые слова каким-то образом выпали из нашего лексикона. Если где-то говорили: «Ты, Федя, полный дурак!», то у нас предпочитали говорить: «Чудак ты, Федя!» Это было очень важно. Дети приучались к тому, что сквернословие – это дикость, отсталость и слабость. Даже на какой-нибудь снежной горке, когда случайно сталкивались двое лыжников, вы не услышали бы от них грубости. Перво-наперво они бросались друг перед другом извиняться. Так однажды и вышло на глазах хорошенькой девушки Наташи, и это ее сильно удивило. «Как хорошо и странно, – сказала она. – В наших краях это был бы повод для драки. У нас бы эти двое посчитали бы себя оскорбленными и бросились бы махать кулаками. И разбили бы друг другу лбы и носы». Я увидел, что Наташе очень понравилась атмосфера нашего городка, а через неделю она вдруг захотела остаться у нас навсегда. Устроилась в детский сад воспитательницей.

Мой приятель-официант захотел жениться на Наташе. Они стали это обсуждать, даже наметили какую-то дату. Он по делам поехал домой, в наш родной город, и неожиданно там задержался. А затем Наташа получила от него письмо. Он написал ей, что с ним приключился удивительный случай – ему предложили устроиться буфетчиком на круизный черноморский лайнер. Ему это предложение очень понравилось. Он прямо-таки видел себя буфетчиком в белоснежной форменной куртке, обслуживающим морских пассажиров. И он просил Наташу приехать, потому что он взялся хлопотать по поводу места на том же круизном корабле и для нее. Но Наташа отказалась. Послала ему телеграмму: «Остаюсь здесь навсегда. Выбирай. Подумай. Я или лайнер». Мой приятель, видимо, не мог уже отказать людям, которые сделали ему протекцию, и выбрал корабль. Возможно, он потом долго жалел. А я не пожалел об этом ни на минуту, потому что именно я женился на Наташе.

Ах, как мы зажили в нашем городке, среди сосен и новеньких домов с мозаикой! Это было особенное, счастливое время. Это был настоящий, чистый, сияющий социализм! Только при социализме можно жить так легко и беззаботно, с ощущением почти детской радости, причем с утра и до утра.

Я просыпался утром и включал радио, и как раз к завтраку начиналась всесоюзная радиопередача «С добрым утром!». Как мне нравились эти звонкие, красивые голоса радиоведущих! Они интеллигентно шутили, рассказывали смешные, без малейшей пошлости

короткие истории и анекдоты, и мы смеялись, заряжались радостью и оптимизмом, и такое настроение держалось весь день.

Мы шли на работу по дорожкам между сосен, приветствуя знакомых: «Доброе, утро!», «Как дела, дружище?», «Рады вас видеть!» Работали мы с удовольствием, стремились к высоким показателям, а иначе просто не могли, не умели. Трудиться вяло, без желания и хорошего ритма – это было для нас почти то же, что уронить собственное достоинство. Так мы думали. Это все равно что плюхнуться лицом в грязь, в зловонную жижу, и пускать пузыри. Нет, у нас ко всему относились с большой ответственностью.

Снабжение нашего городка было приличное. Магазины, конечно, не соперничали со столичными, но всего хватало. А если чего-то и не имелось, мы могли легко без этого обойтись. Помню, как мы купили торшер и ковер. Пришли в магазин культурных товаров и весело спрашиваем: «Что вы нам можете предложить для создания уюта? Говорят, сейчас в моде ковры и торшеры. Найдется ли у вас и то, и другое?» Мы говорили и в шутку, и всерьез. То есть мы действительно хотели обустроить нашу комнату, но нам хватило бы кушетки и к ней журнального столика, да еще пары книжных полок. Продавец попался очень хороший. Ответственный человек. И он говорит: «Ковры все проданы, торшеры тоже. Теперь они поступят в продажу только в следующем квартале. Спрос слишком велик! Не успеваем завозить на склад. Но поскольку вы молодая пара, то отказать вам никак нельзя... Зайдите завтра. Я достану вам и ковер, и торшер, и вы останетесь очень довольны». И правда, на следующий день нас ждали оба эти предмета, да еще какие красивые, из какой-то особенной кладовой, из резерва. Мы хотели, было, предложить продавцу вознаграждение, но он запротестовал: «Ну что вы! Выбросьте это из головы. Прошу вас!»

Мы постелили ковер, пригласили друзей, открыли пару бутылок вина и устроили пир на прямо на ковре. Расселись, как на траве, на пикнике. Все мужчины были в костюмах, при галстуках, женщины – в нарядных платьях. Блестели кулоны, запонки. Комната наполнилась ароматами духов наших дам. Разговор, помню, завели о городах будущего – какая будет архитектура, какие достижения науки и техники.

Мы жили прекрасно. Мы хорошо одевались. Частенько ужинали в ресторане, а уж в кафе ходили чуть ли ни ежедневно. А ведь мы были простые люди, жили и работали в самой что ни на есть тайге! Где, в каком обществе, кроме советского, простой рабочий человек вдалеке от больших городов жил так беззаботно и счастливо? Только в СССР, в самой лучшей, самой прекрасной стране! Мы жили красиво. Мы были людьми высокой культуры.

Я вернулся бы в Советский Союз на любых условиях, преодолев любые трудности, была бы только такая возможность».

Евгений Куш – ко, 1952 года рождения: «После окончания техникума мой дядя предложил мне поступить на промкомбинат. Он работал там на хорошей должности, был человек зажиточный, имел личный автомобиль, гараж, дачу. Мама говорила: «Дядя Коля научит тебя жить». Наверное, у меня все сложилось бы хорошо, но дядя Коля вдруг помер. Как-то раз он вышел после бани на мороз, случайно вдохнул много морозного воздуха, заболел воспалением легких, попал в больницу и неожиданно скончался. Тогда мама сказала, что на промкомбинате мне делать нечего. В самом деле: зарплата небольшая, перспектива получить квартиру далекая. «Никто продвигать тебя не будет, – сказала мамуля. – Везде продвигают только своих».

Один мой приятель как раз работал на этом промкомбинате, в мебельном цехе. Они делали шкафы, стулья для предприятий и учреждений. Работали кое-как. Изнывали от скуки. Бывало, нарочно криво забивали гвозди, косо подгоняли доски. Я и сам помню за собой что-то подобное. На производственной практике в школе и в техникуме мы испытывали к труду отвращение, потому что за работу не платили. Не было никакого смысла трудиться. Мы

паясничали, кривлялись, тайком вредили. Портили инструменты. Бросали в стену молотки, чтобы осталась вмятина. Наверное, мы злились оттого, что в труде не было интереса. Мой приятель с промкомбината тоже злился. Зарабатывал мало, разряд был низкий, жил в рабочем общежитии. Рассказывал: «Приходишь на работу, хочется взять и что-нибудь разломать. После обеда клонит в сон, хожу одуревший. Настроения нет, одна глухая злоба. Или равнодушие. Лучше становится только вечером, после кружки пива».

В то время многие говорили о «северной зарплате». Имелись в виду хорошие деньги. Люди любили рассуждать, что где-то далеко, в северных и таежных краях за работу платят «как надо». Нужно ехать туда, где «северная зарплата». Но никто никуда почему-то не ехал. В моем родном городе везде платили мало, обычному человеку больше ста двадцати рублей заработать было почти невозможно. Мама работала учетчицей на автобазе, ей платили сто пять рублей. Она брала аванс, и мы с трудом дотягивали до двадцатого числа, когда выдавали зарплату. Это я, конечно, говорю о том времени, когда я был школьником и не мог принести домой ни рубля. А отца у меня не было. Он нас бросил, когда мне семь лет, а потом и вовсе погиб, утонул на рыбалке. Мы жили очень бедно. В доме, сколько помню, всегда пусто. Шторы, наволочки, пододеяльники, полотенца мама штопала, подгибала, прострачивала, но чтобы появилось что-то новое – это редкий случай. На всех фотографиях того времени я выгляжу как нищий. И все мои приятели тоже. Все мы были одеты очень бедно. И вот что удивительно: у большинства моих приятелей были полные семьи, то есть отец и мать, а жили они не лучше меня. А то и хуже.

Мама годами носила одну и ту же одежду – юбки, платья, кофты. Обувь у моей мамочки была такая, что сейчас, глядя на ее фотографии тех лет, я говорю: «Что ни говори, а социализм – это бедность». И действительно: десятки фотографий, десятки людей, и все одеты плохо, кое-как, безвкусно или вообще невпопад. К тому же мы выглядели старше своих лет. Наверное, потому что питались однообразно. К примеру, у нас в доме редко бывали свежие мясо, рыба и овощи. Эти продукты магазины города предлагали нечасто, вместо них на прилавках лежали мясные, рыбные и овощные консервы. А в школе нам твердили, что наша страна самая могучая, у нее самые большие пастбища и сады, и ее омывает четырнадцать морей. А хорошей еды не было. Хорошая еда стоила дорого. Ее продавали на рынке и в магазинах кооперативной торговли. Но откуда мы взяли бы на нее деньги?

Детство и юность в СССР я связываю с ощущением пустого желудка, это, я считаю, примета того времени. Мне и моим приятелям всегда хотелось есть. В школе у нас не было столовой, а только буфет. Помню, старшие ребята нередко отнимали у нас, у малышей, деньги и покупали себе пирожки, пирожные, газированную воду. Я вырос и стал делать то же самое. Запугивал второклашек: «Разболтаете – дам по шее». Однажды меня на этом разбое поймали. Устроили общее собрание. Вызвали маму. Она выглядела подавленной, плакала, ей было очень стыдно. Мне ее было очень жалко.

После восьмого класса я хотел пойти учиться в ПТУ, но дядя Коля помог мне поступить в техникум – сунул кому-то из приемной комиссии двадцать пять рублей. Он говорил, что это почти высшее образование. Будто с дипломом выпускника техникума можно устроиться на должность инженера. Я учился плохо, кое-как. Мне было неинтересно. Я учился ради мамули. После окончания техникума, как положено, меня забрали на военную службу, в армию. В казарме, на втором году службы, многие говорили о все той же «северной зарплате». Половина парней из моего взвода собиралась после армии поехать куда-нибудь за Полярный круг на заработки. Они боялись нищеты и неустроенности в своих родных городах и поселках. Конечно, в нашем батальоне служили и такие ребята, которых призвали на службу из больших областных городов и столиц республик, и они о дальних краях не мечтали. Один из них был из Баку. Баку – столичный город, там руководство республики, министерства, поэтому там хорошее снабжение, щедрые базары, рестораны, кафе, павильоны. На

улицах торгуют шашлыками, сладостями. А я шашлыки видел только в кино. Наш город был не областной, и мы жили неважно. И таких парней, как я, в батальоне было большинство. Помню рассказы об обычной жизни: «Брат копил на мотоцикл четыре года. Четыре года копил на приличный фотоаппарат». То есть какой-то человек за восемь лет купил только две хорошие вещи. У него было двое детей, денег не хватало. Он и его жена зарабатывали на двоих 215 рублей. 15 рублей они откладывали на хорошую вещь. 30 рублей исчезали в счет кредита. Многие на их предприятия покупали мебель и телевизоры в кредит. И они тоже – сразу приобрели двуспальную кровать, шифоньер, холодильник, телевизор. Иначе в доме долго было бы пусто. На жизнь оставалось, таким образом, 170 рублей на четверых. Достаточно ли это для полноценной жизни в СССР? Тут следует привести факты и цифры: семья из трех-четырех человек тратила в среднем на еду 3 рубля в день, причем не покупая мяса, сыра, колбасы и сосисок ежедневно. Литр молока стоил 22 копейки, буханка белого хлеба – столько же. Итого 44 копейки. Однако завтрак, обед и ужин из этого не приготовишь. Понадобятся прочие продукты: картофель, рис, макароны, сливочное масло, сметана, яйца, крупа, рыбные, мясные и овощные консервы, творог, мука, маргарин, репчатый лук, сахар, подсолнечное масло, чай, сладости к чаю. Летом – помидоры, огурцы, какие-нибудь фрукты, зеленый лук.

Килограмм картофеля девять месяцев в году в нашем городе стоил 15 копеек, причем это был продукт низкого качества с налипшей землей, наполовину гнилой, наполовину мороженный. Вы покупали в обычном овощном магазине килограмм картофеля, а в употребление шла только половина или меньше. Остальное – негодная часть, отходы. Покупатели, поэтому, приобретали сразу 5–6 килограммов, то есть тратили около 1 рубля. Макароны на развес или в пачке – в среднем 56 копеек. Сметана – 85 копеек за литр, и это был жидкий продукт, как кефир. Не все советские люди знали, что сметана соответственно ГОСТу должна быть плотной вязкой массой, а не жидкой или полужидкой. Иной раз сметану можно было пить, как молоко. Сливочное масло стоило 1 рубль 45 копеек за полкило. На нем жарили, его намазывали на хлеб, его добавляли, чтобы было сытнее, куда только можно. Известно: в СССР сливочным маслом заменяли мясо, так как оно было сытным. Куриные яйца стоили 1 рубль 20 копеек за десять штук, но в нашем городе их нельзя было купить в любое время и в любом количестве – обычно яйца поступали в продажу в конце месяца, чтобы обеспечить план. Маргарин – 40 копеек за пачку, а иногда его продавали на развес. Рыбные консервы, минтай и сайра в томатной заливке или в масле, считались хорошей, полноценной едой. Эти консервы ели на ужин, из них варили супы. Они стоили около одного рубля. Основной едой простых людей в нашем городе были картофель, макароны, рис, молоко, сливочное масло, хлеб, булки, баранки, а также различные консервы. В каждом доме варили большую кастрюлю какого-нибудь супа, сразу на три-четыре дня. Утром детям подавали кашу или молочный суп с макаронами. Вечером жарили, варили, тушили картофель. Тушили капусту. Иногда варили рис. Килограмм риса стоил 56 копеек. Сахар – 45 копеек за полкило. Сахара потребляли много. Его сыпали на хлеб с маслом, его добавляли в макароны и даже рис. Хозяйки пекли пирожки с капустой, с картофелем, с повидлом. Повидло продавалось всегда, стоило 1 рубль 40 копеек за килограмм. Иногда оно продавалось в жестяных банках. Шоколад и шоколадные конфеты стоили дорого. Плитка шоколада – в среднем 1,5 рубля. Шоколадные конфеты – от 1,5 до 8 рублей за килограмм. Купил две плитки шоколаду – и вот тебе 3 рубля, суточный бюджет средней семьи. Все мы любили шоколад, но покупали его редко.

Больше всего я любил колбасу, сосиски и сардельки. Особенно мне нравилось кушать жареную колбасу. Зачастую колбасные изделия в нашем городе можно было купить не в магазинах, а в столовых на предприятиях. В заводской столовой покупателям предлагалось такое блюдо: жареная колбаса с картофельным пюре. Когда я видел на прилавке в столовой жареную колбасу, я решительно отказывался от других блюд, скажем, от сарделек или жарен-

ной печенки. Но сколько стоила колбаса? В магазине килограмм колбасы стоил в среднем 2 рубля 70 копеек за килограмм. Сосиски – 1 рубль 90 копеек и больше. За сардельки просили 2 рубля 20 копеек. Колбасу в магазине, как я уже говорил, мы покупали редко, чаще всего случайно. Чтобы поесть колбасы или сосисок, я ходил в столовую на промкомбинат, где работал дядя. Впрочем, блюда с колбасой, жареной печенкой, сосисками и сардельками стоили не так уж дешево. Дешевый обед – до 35 до 60 копеек – это суп-рассольник, макароны с подливкой или картофельное пюре, котлета или жареный минтай, хлеб, коржик или пирожок с повидлом, чай или компот. Сытный обед в столовой стоил полтора рубля и больше. Сытный обед – это стакан сметаны, винегрет или капустный салат с сельдью, борщ или щи с мясом, гуляш или блюдо с жареной колбасой, печенкой или шницелем, творожная запеканка с изюмом и какао. Если сытно обедать в заводской столовой один раз в день, тратя полтора рубля, то за рабочую неделю, пять рабочих дней, выйдет семь с половиной рублей, то есть ровно 30 рублей в месяц. Треть заработной платы среднего работника за один только сытный обед! А ведь нужно было питаться еще утром и вечером.

Итак, моя мама зарабатывала 105 рублей, и мы жили вдвоем на эти деньги, пока я не закончил техникум и не ушел из родительского дома. Три четверти всех денег расходовались на еду. Питание в СССР лишь на первый взгляд стоило дешево. Вы могли подумать о дешевизне, когда видели в магазине цену на картофель, макароны, рис, муку, рыбные и овощные консервы, соленья, хлеб и хлебные изделия, повидло, конфеты из карамели, чай, молоко и кисломолочные продукты. Но если вы видели на прилавке мясо, колбасу, сосиски, зельц, ветчину, буженину, копченую рыбу, сыры, растворимый кофе или консервированные кофе и какао со сгущенным молоком – вы сразу понимали, что покупать такую еду ежедневно слишком дорого. Покупка такой еды добавила бы к вашим каждодневным расходам еще 2–5 рублей. Если обычная семья тратила до 3 рублей в день на недорогую еду, приобретая пять или шесть основных продуктов, что составляло в месяц 90 рублей, то ежедневная покупка дорогой еды обошлась бы еще в 60 рублей в месяц. То есть обычной семье пришлось бы потратить на еду уже 150 рублей в месяц. В нашем городе это было невозможно, потому что совокупный доход средней семьи составлял 200 рублей или немногим больше. Мы с мамой питались дешевой едой. Она забирала у нас в среднем два с половиной рубля в день. Кроме макарон, картофеля, сливочного масла, рыбных консервов, хлеба и молока мы обязательно покупали пряники к чаю, недорогие конфеты, баранки, десертные сухари. Без чаепития со сладостями наша жизнь была бы вовсе унылой. Наверное, все жители нашего города утром и вечером обязательно пили чай со сладостями.

Но как мы с мамой могли купить что-нибудь еще, кроме еды? Например, одежду и обувь, особенно на зиму? Это было для нас серьезное испытание. Ведь мы должны были покупать еще мыло, шампунь, зубную пасту, гуталин, а также платить за квартиру. Иногда мы ходили в кино. Деньги таяли, как им и положено, быстро и незаметно. Мы всегда нуждались. Мы были бедными, едва сводили концы с концами. Покупка пальто, обуви, зимней шапки, брюк, рубашки ставила нас в ужасное положение. В такие дни мы ели одни макароны и картофель. На ужин пили только чай с сухарями из черного хлеба и с вареньем. Так жить было очень тоскливо. В семьях моих приятелей было то же самое, а порой и хуже, ведь у некоторых из них было по двое младших братьев или сестер. Если брату и сестре купили пальто и ботинки, на еду денег уже не хватало. Неделями ели одну картошку и капусту, макароны и хлеб без масла. Это я запомнил хорошо на всю жизнь: обычная семья не могла позволить себе покупку еды и покупку одежды, обуви или других вещей одновременно и безболезненно. Либо одно, либо другое. Поэтому на одежду, обувь и другие необходимые предметы люди копили месяцами и не знали, как можно жить иначе.

Это я говорю об обычных людях, а такие, как наш родственник дядя Коля, жили лучше.

У дяди Коли были «возможности». Он у себя на промкомбинате предпринимал что-то такое, что приносило ему дополнительный доход. Вообще, жители нашего города, сколько я помню, никогда не упускали случая что-нибудь украсть, утащить и крали и тащили все, что можно. Причина – маленькие зарплаты.

Нашей соседкой по лестничной площадке была учительница средней школы, мамина приятельница. Ей платили только 95 рублей. Что она могла себе позволить, кроме еды? Медицинские сестры, работники библиотек, детских садов, музеев, тренеры детских и подростковых спортивных секций, преподаватели техникумов, наставники профессиональных училищ зарабатывали 100 рублей и меньше. Невысокая оплата труда была в службе быта – все служащие мастерских по ремонту, работники прачечных, парикмахеры, часовщики, стекольщики, обувщики зарабатывали не больше 100 рублей. В пошивочной мастерской платили от 80 до 90 рублей. Кондукторы, дворники, уборщицы, сторожи, почтальоны, продавцы киосков могли рассчитывать лишь на 80 – 85 рублей. Врачу-хирургу в районной поликлинике платили 110–120 рублей. В те времена говорили, что хороший заработок, больше 200 рублей, лишь у инженеров-специалистов, особенно с научной степенью, рабочих с высокой квалификацией и ответственных руководителей. А также у тех, кому доплачивали за риск и вредность, и еще у тех, кто работает сдельно, по договору.

Глядя на фотографии прошлых лет, я вижу, как много на улицах нашего города бедно одетых людей. Бедность – это отсутствие новых вещей. Это когда нет возможности одеваться элегантно, со вкусом, разнообразно. Новой обуви у простых людей в СССР я встречал мало. А новая и красивая обувь, я считаю, это первый признак зажиточности и достатка. Мужские модельные полуботинки стоили от 18 до 45 рублей, зимние кожаные ботинки – от 25 до 45 рублей. Женские сапоги – от 25 до 70 рублей. Женские туфли – от 12 до 22 рублей. Женские зимние ботинки или полусапожки – от 18 до 30 рублей. Все эти товары, конечно, были отечественного производства. Импортные же вещи стоили около 100 рублей и выше. Будучи уже зрелым человеком, я однажды узнал, что нормальная норма потребления обуви на человека – 3 пары в год, столько в среднем приходилось в 60-70-е годы на среднего жителя США, Англии и ФРГ, а у нас в Советском Союзе средняя норма потребления обуви составляла 2 пары в год, однако сколько бы я не вспоминал свое детство, юность и молодость в Советском Союзе, я не мог припомнить, чтобы мне удавалось менять обувь два раза в год. У меня была летняя обувь и зимняя. И ту, и другую я носил по три года, пока она не разваливалась. Так жили многие в нашем городе. Обувь сдавали в ремонт, ее подбивали, подшивали, подклеивали и носили снова. Я носил одни и те же брюки, один и тот же пиджак. Обувь и одежду, когда я был маленьким мальчиком и подростком, мама покупала мне на вырост, то есть на один размер больше. Когда я «вырастал» из одежды, она была сильно поношенная, в заплатах, потому что я носил каждый день только ее и ничего другого. Мои приятели также носили одно и то же.

После смерти дяди Коли мне досталась замечательная вещь – импортная болоньевая куртка глубокого синего цвета с отливом. Жена дяди Коли, сердечная дама, отдала нам жаккардовый ковер, хрустальную салатницу и эту куртку. Вернувшись из армии, я надел дядину куртку и пошел в комитет ВЛКСМ, куда замполит воинской части выслал мою характеристику и рекомендацию направить меня на молодежную стройку. И меня направили в Сибирь, в тайгу. Я хотел этого. Я фантазировал, как удачно сложится моя жизнь, если я заработаю много денег. Я куплю машину или мотоцикл, поселюсь в областном городе, а не в районном, буду носить только заграничную одежду и не выпускать из рук портативный транзистор. И вот я очутился на молодежной стройке, в тайге. Явился в управление, оттуда меня послали к прорабу участка, и пока я шел, я десять раз вынул из кармана пачку сигарет. Люди подходили и спрашивали: «Новенький? Откуда, из центра? Что куришь? Дай-ка закурить!» Все смотрели на мою импортную куртку. С интересом глядели на мой чемодан. Некоторые

вообще разглядывали меня с головы до ног, причем не по-доброму, а как-то хищно. Я заметил, что молодежи меньше, чем зрелых людей. Мне часто попадались дядьки с усами, плотные, даже с пузом. Я пришел на участок и стал ждать прораба – сел на какой-то пустой ящик, закурил, вынул из чемодана журнал «За рулем», который мне подарил попутчик в поезде. Впереди неподалеку была насыпь, и вот я вижу, что по верху этой насыпи бежит человек, торопится. Постарше меня, крепкий. Я думаю: «Куда он бежит в строительной спецовке посреди рабочего дня?» Оказалось, что он бежит ко мне. Именно ко мне! Подбегает и радуется: «Успел! Эх! А думал, что не успею!», и это была первая и последняя улыбка, которую я у него видел. Ему нужна была моя куртка. Он бесцеремонно щупал ее, заходил со спины, разглядывал, будто я был манекеном. Потом он сказал: «Верно рассказали – хорошая вещь, сгодится. Слышь, земляк, дайка померить куртку!» Я спросил: «Зачем?» И этот человек удивился и скривился: «Как зачем? Ты что, земляк? Я ее у тебя куплю. Понял? Деньги получишь сегодня вечером!» Я не хотел продавать куртку, меня этот разговор даже разозлил. Я так и сказал – ни торга, ни продажи не будет, не желаю. И тогда этот строитель в спецовке наклонился ко мне, встал как футбольный вратарь, и почти заорал: «Ты чего, парень? Ты здесь кто? Я тут всех знаю, а ты когда приехал – три минуты назад? Я – Гена Ро-тов, понял? Я тут всем лучший кореш. А о тебе кто слышал? В общем, следи, что я скажу: если куртку не продашь, то и носить не будешь. Понятно? На твою куртку случайно серная кислота прольется. Или горячий гудрон. Или ее ножичком в столовой на лоскуты порежут, пока ты котлетку кушать будешь. Понял, земляк? Шутки решил со мной шутить? Подумай, очень хорошо подумай! Завтра я к тебе с деньгами подойду, и чтобы со мной без дурасти! Слышишь? И не вздумай мою куртку продать кому-нибудь другому! Я первый и единственный, понял?»

Мне был только двадцать один год. Гене Ро-тову – около тридцати. Это был наглый, грубый, вечно недовольный человек, не вынимающий рук из карманов. Он ходил за мной три дня и требовал продать куртку. Запугивал, оскорблял. Он говорил мне, что если своего не добьется, то жизнь моя превратится в кошмар и ужас. Наконец я сказал, что куртка принадлежит другому человеку, моему двоюродному брату. Будто бы я взял ее только поносить, а теперь должен вернуть, отослать домой. Я придумал эту историю, потому что за меня никто не заступился. Я увидел вокруг безразличие, равнодушие. На стройке и в общежитии люди предпочитали свою компанию, ходили по двое, по трое, других не звали, не приглашали. Я отослал куртку бандеролью, поскольку она была легкая. Гена Ро-тов разозлился и при встрече бросил окурок мне под ноги. Это означало, что он хочет драться. С ним были его приятели, тоже строители. Один из них был человек благоразумный, и он сказал: «Да брось ты, Гена! Наплюй. Не дело это – пузыриться из-за такой мелочи». Гена злобно ответил: «Она была уже почти моя, понимаешь? Я хорошие вещи люблю. Мне позарез нужны хорошие вещи».

Вскоре я узнал, что Гена Ро-тов не единственный нахальный тип и грубиян на этой молодежной стройке. Мало кто приехал сюда за романтикой, большинство прибыло за заработком, за деньгами. Приехали и увидели: с утра до пяти вечера нужно трудиться, а потом идти в общежитие. И все! В общежитии можно лечь на койку или усесться на ней. Можно посидеть на стуле за столом. Можно, конечно, пойти в лес, в тайгу, если не морозно или нет дождя, погулять между деревьями и вернуться назад. Кафе и клуба нет, только в перспективе. Когда построят клуб и кафе – станет получше, а пока даже кино не демонстрируют, негде. В рабочей столовой не засидишься – прогонят. В одном строительном вагончике организовали клуб досуга, но туда пришли баянисты и гитаристы, стали разучивать новые песни и там сделалось тесно, неуютно и шумно. Комендант общежития выдает под расписку настольные игры: шашки, шахматы и домино, и строители честно играли в них два месяца, а потом проклинали это занятие, и у всех остался лишь один интерес – выпить пива. Уже в обеденный перерыв в буфете при столовой нет ни бутылочки. Покупают по десять бутылок на человека,

ждут конца рабочего дня и пьют. В каждой комнате запах, как в пивной. Кто пьет с баранками, кто с сухарями, а кто с сушеной рыбой. Сушеной щукой приторговывает буфетчица, просит по рублю за порцию.

После употребления пива натуры людей обнажаются. Кому хочется веселиться, тот смеется, балагурит, но весельчаков немного. Больше таких, кто желает навязать другим свое мнение. Бывает, доходит до драки. Ссорятся почти каждый вечер. Также много тех, кто поливает грязью все существующее вокруг, всю природу, как естественную, так и рукотворную. Ругают все на свете: погоду, тайгу, страну, снабжение, устройство всех департаментов и организаций, зарплату и особенно проклинают свое положение, настоящее и будущее. Говорят, что в прошлые времена, до революции, была самая лучшая жизнь. Словно они ее видели! Затем говорят, что все замечательное только за границей, где угодно, но не в СССР. Приводят в пример японские экскаваторы и американские бульдозеры, уточняют: «Вот где гидравлика! А у нашей техники разве гидравлика? Чепуха!» Затем – про японские транзисторные приемники: возмешь приемник,хватишь об пол или сбросишь с пятого этажа, а ему нипочем, работает как работал! А наш приемник ладонью погладил, он и сломался!» После этого рассказывают про иностранные продукты питания: ветчину, вяленую колбасу, джемы – вот будто бы настоящая еда. А здесь, в Советском Союзе, еда «не та», грубая и на вид неаппетитная. И так каждый вечер: пиво, сушеная рыба и унылые разговоры о жизни, будто бы все плохо, нудно и глупо. Никто не рад и не горд за строительство, развернувшееся в тайге. Кто же это говорит? Это холостые, недовольные жизнью люди, которым нужны деньги, квартиры и женщины. Им от двадцати восьми до сорока лет. Они бывали в разных частях страны, но нигде не задержались, потому что нигде им не удалось получить желаемое. «И там и сям», по их словам, все одинаково: «Пашешь, как угорелый, а тебе – черта лысого», что на обычном языке означает недостойную оплату труда и бытовую неустроенность в обмен на ударную работу. Строители постарше, лет сорока, задумчивы и лаконичны в формулировках: «Везде один треп». Иногда дают объяснения: «Приезжаешь в край или область устраиваться на работу, обещают одно, а на деле выходит всегда другое: нуль, ни хорошей зарплаты, ни квартиры, ни близкой перспективы». После пятой бутылки пива лица многих строителей краснеют и становятся вовсе недобрыми. И вот уже кто-то орет в коридоре: «Чего пялишься, гад? Рожу давно не били?» Утром, хмурые и недовольные, с изжогой после сушеной щуки и черного хлеба, все эти люди идут по дорожкам между великолепных сосен на строительство. Есть и такие, которые не пьют пива и вообще спиртного, их называют «комсомольцы», независимо от возраста. Вообще звание «комсомолец» здесь унижительное, его боятся и стесняются, от него бегут. Прорабу грубо отвечают: «Я тебе что, комсомолец, чтобы вприпрыжку бегать?» Это означает: «Сделаю, что велено, только не торопи». Инженеру кричат: «А ты меня, часом, не за комсомольца принял? Смотри! Отличай по характеру-то!» – что также означает: «Сделаю, но не так быстро, как просишь». Открыто уважать начальство не принято. Наоборот, начальству принято дерзить, отвечать с усмешкой, особенно инженерам, точно они неучи и болваны. Почему так? Это из-за таких, как я, молодых строителей, которым по двадцать лет. Наши «старшие товарищи», как говорили на собраниях, стесняются выглядеть перед нами покладистыми и дисциплинированными. Они хотят, чтобы мы видели в них грубых, сильных, бывалых, независимых людей. Нам, молодым, любят говорить: «Ну что, пионеры, мамкам и папкам домой письма пишите? Обязательно пишите, а то плакать будут. И в конверт шишку вложите, а то не поверят про тайгу-то!» Почти все они ходят с усами, с полубаками, руки держат в карманах, стыдятся хороших манер и нарочно коверкают и искажают слова и выражения. Намеренно говорят «пинжак» вместо «пиджак», «бутылку водку» вместо «бутылку водки». Матерятся, чтобы выглядеть грубее, а через это – солиднее. Но кто же ввел эту моду? Никто ее не вводил, она сама завелась из-за разделения по возрасту. На строительство в тайгу приехали и двадцатилетние, и тридцатилетние, и сорокалетние.

Мне, как я уже сказал, был только двадцать один год, а моему соседу по комнате, Николаю Ю-кову, 27 лет, и он боялся, что, если подружится со мной, то старшие запишут его в «пионеры» или «комсомольцы». Поэтому он держался холодно и грубо, хотя было видно, что по натуре он неплохой парень, спокойный и даже добрый. Но иначе он не мог. Ведь кроме доброты у него имелось самолюбие.

На стройку приехали также люди семейные, привезли жен, устроили их малярами-штукатурами, отделочницами, облицовщицами и тут же пожалели, что не оставили женщин дома, в своем родном городе. Семейные пары поселили в семейном общежитии, но это не стало никаким препятствием для тех, кто желал видеть дам и разговаривать с ними. Если женщина хорошенькая, ее мужа не замечают, делают вид, что никакого супруга не существует. Женщину преследуют, приглашают пить пиво и на прогулки в тайгу, берут ее за руки, иногда даже обнимают за плечи. Мужья таких женщин – самые несчастные люди тут, на строительстве. Они затевают драки и ходят побитые, нервные и издерганные. В конце концов хорошенькая женщина вынуждена уехать со строительства и ждать мужа в доме у его матери или у своей.

Но были и свободные женщины. Помню двух таких подружек, лет тридцати, из бригады облицовщиц, грубых, некрасивых, сильно накрашенных, стремящихся в мужскую компанию. Они пили пиво наравне с мужчинами, курили папиросы, играли в домино. Наверное, они приехали сюда, чтобы найти мужей, создать семью, но выбрали неправильную, неподобающую тактику. Не следовало им сквернословить, выпивать и все время говорить то одному, то другому: «Слушай, Коля, женись на мне!» Или: «Знаешь, что, Сашка, а пойдем завтра расписываться!» Желающих не находилось, и обе эти подружки становились все злее и грубее, и в отместку на неудачи нападали на женщин помоложе и на девушек-маляров, которым было по восемнадцать-девятнадцать лет, кричали им: «Эй, Зойка-комсомолка, а ты себя сегодня в зеркале видела? Иди в тайгу – на свидание к медведю, самое верное для тебя дело!» Девушку звали не Зоя, а, к примеру, Светлана, однако это не имело значения. Грубые подружки стремились унижить всех, кто был помоложе и посвежее и привлекал внимание мужчин. Хотя среди свободных женщин и девушек хорошеньких я почему-то не видел. Не знаю, почему. Наверное, симпатичные девушки боялись ехать на работу в тайгу, наверное, об этом ходили какие-то нехорошие слухи и разговоры.

Моя специальность была связана с электричеством, но мне предложили работать каменщиком, сказали, что и денег заплатят больше, и выделяют квартиру в построенном мною же доме. Я согласился. Научился класть кирпичи, и до сих пор умею это делать. Сначала платили 160, потом 180 рублей в месяц. И я был разочарован, так как рассчитывал, что в тайге, далеко от центра, будут платить не меньше двухсот рублей, а то и триста. Стал узнавать: будут ли надбавки к зарплате и нет ли места повыгоднее, и выяснил, что 180 рублей – это предельно высокая оплата труда для таких, как я. Получалось, что у меня есть только один выход: отчаянно копить деньги, не тратя даже на портвейн в выходные дни. Это был единственный способ осуществить хотя бы некоторую часть моих замыслов. Только так я мог купить себе, например, мотоцикл. Другие строители тоже копили средства. Ходили в спецовках, в кирзовых сапогах, в ватниках и рассказывали, что как только сберкнижка как следует «распухнет», вот тогда они заживут. Но не здесь, в тайге, а в своем родном городе или на южном курорте. Помню слова тридцатилетнего Дмитрия П., монтажника-верхолаза: «На кой черт мне эта тайга – чтобы тут жить?»

Я что, медведь? Я дома, в Молдавии, дом куплю, сад, разверну хозяйство, на базаре буду торговать, а тут пусть комсомольцы живут и прочее дурачье». Этот человек тяготел к деньгам, к зажиточности, к единоличному хозяйству, а не к коллективу. Взглядов этого верхолаза придерживались многие, кому было за тридцать. Некоторые объясняли, что они уже «наигрались» в «светлое завтра», хорошая жизнь им нужна сейчас, как можно скорее.

Поэтому они презирали слово «комсомолец», связывали его с глупостью, а иные так и говорили: «Я когда-то и сам был комсомольцем. Думаешь, не был? Был. Все мы были когда-то глупые, верили в разную чепуху». А как-то раз один строитель, из сорокалетних, мне говорит: «Вот ты строишь дом, и работаешь ты хорошо, потому что тебе пообещали выделить в нем квартиру. Думаешь, выделяют? Точно, дадут ордер, но только не на квартиру, а на комнату в квартире, поскольку ты холостой и бездетный. И когда ты женишься, тебе все равно не предоставят отдельную жилплощадь, а оставят проживать в коммунальной квартире, пока у вас с женой не появится ребенок. А вот когда ты сделаешься отцом, вот тогда тебе скажут: «Ну что ж, товарищ Кушко, теперь мы запишем тебя в очередь на отдельную жилплощадь, жди, и однажды тебе вручат заветный ордерок». И вручат, не сомневайся, но только в следующей пятилетке. И это еще ничего, это можно еще принять и понять, если бы все находились в равном, одинаковом положении. Но разве так бывает? Вот посмотришь: родственники и друзья начальничков получают отдельные квартиры независимо от того, семейные они или нет, много ли они тут, на строительстве, проработали или мало. Не знаю, как по тебе, а по мне это скучно и малопривлекательно». Я поверил строителю, отправился к начальству выяснять, что правда, а что нет насчет отдельной квартиры, и мне сказали: «Отдельную жилплощадь? Не-ет, Кушко, это было бы слишком! Ты сначала поживи в коммуналке, обзаведись семьей, а уж потом будем думать на твой счет».

Надо сказать, я ничуть не расстроился. Меня к этому времени жизнь в тайге, на строительстве, кое-чему научила. Я убедился, что не стоит верить всему, что обещают, и что жизнь грубая и тяжелая потому, что такой ее делают сами люди. Я судил по строителям, которые приехали со всех концов страны, по их поступкам. Они оставили свои города, поселки, села, деревни и устремились в тайгу за хорошим заработком, но были ли они сами хорошими людьми? Открытых, доброжелательных, разносторонне развитых личностей я встречал мало. Чаще попадались нытики, невежды и эгоисты. Нравы были грубые, низкие и лихие. В целом сложилась неположительная среда. Сужу по себе: когда я вернулся домой, мамочка всплеснула руками. Я стал грубый, нахальный, невежливый. Парней из моего двора, что были моложе меня, я стал тут же называть «комсомольцами». Бывало иду через двор – усатый, с полубаками, руки в карманах, лицо наглое, во рту папираса – и кричу какому-нибудь мальчишке из моего подъезда: «Слышь, земляк, а ну, слетай в магазин, погляди, пиво завезли?» Эта привычка сыпать направо и налево словами «земляк» и «комсомолец» больше всего расстроила мою мамочку. Она стала вздыхать и говорить: «Женя, сыночек, ведь ты таким не был! Ты еще такой молодой, а уже грубиян и вечно чем-то недоволен. Где ты подцепил эту дрянь? На молодежной стройке?» Мама была права – я набрался этой дряни на строительстве в тайге. Нужно было как-то от нее избавляться. И я сказал: «Мамуля, знаешь, что? Как услышишь от меня грубость или как заметишь невежество, бей меня кухонным полотенцем, как бывало в детстве». Но мамочка ответила, что я уже взрослый и должен уметь самостоятельно исправлять собственные ошибки. Она говорила правильно.

Со временем я бросил свои нехорошие привычки, а также избавился от усов и полубаков. Однако сложнее всего было оставить привычку каждый день покупать пиво, дуть его по три бутылки, сидя за кухонным столом, ворчать, ругать жизнь и поливать грязью собственную страну. По-моему, это было худшее, чему меня научили строители. Вообще, надо сказать, когда я жил в СССР, мне ни разу не выпало случая услышать от кого-либо, что наша страна грандиозная и в ней живет легко, радостно и вообще счастливо. Не бывало такого. Люди либо молчали, ничего не говорили, либо перечисляли какие-то недостатки. Иногда кто-то хвастался своими личными достижениями или успехами друзей, родственников и знакомых, но о своей стране, об ее экономике и внутренней политике, хорошо не отзывались. Только педагоги в школе и техникуме, да замполит в воинской части рассказы-

вали, что СССР великая держава, самая справедливая и прогрессивная. Это входило в их обязанности.

А я вернулся с молодежной стройки низким человеком, с признаками откровенного негодяя. До сих пор удивляюсь: почему мы так глупо жили?

Помню, что когда я вернулся со строительства, к нам в гости пришла соседка, мамина приятельница, школьная учительница. Мы стали пить чай, и она принялась спрашивать, каково снабжение там, где я работал, хорошо ли, плохо ли, какова моральная атмосфера, вернусь ли я назад, чтобы жить и работать. Я вел себя очень некрасиво – кривлялся и орал: «Я что, медведь, чтобы жить в тайге? Мне жизнь нужна пестрая, а не цвета свежего бетона! Мне нужны рестораны, пляжи и девушки! А в тайге меня интересует только зарплата. Зарплата! В тайге пусть комсомольцы живут и прочее дурачье!» Я кричал, что мне нужны только деньги. Я повторял чужие слова. Мама молчала и вздыхала. Ей было за меня стыдно. Молчала наша соседка, учительница. Она понимала, что я еще молод и неопытен и угодил в какую-то нехорошую среду. Изменился я только через полтора года.

Вернуться в СССР я не хочу. Что там было хорошего? Судя по фотографиям из нашего семейного альбома, мы с мамой и наши знакомые жили неважно, бедно. Мы были самые простые люди, жили на зарплату, не воровали, не тащили. Однако если говорить по совести, я очень часто думал о том, что вот было бы хорошо, если бы я работал в таком месте, где каким-нибудь образом можно было наживаться за счет государства. Скорее всего, мой родственник, покойный дядя Коля, что-то воровал у себя на промкомбинате, иначе он не мог бы иметь ни машины, ни дачи. Не помню, чтобы он жил идеалами социализма. Я вообще таких людей не припомню. Все хотели иметь достаток, импортные вещи, мечтали кушать деликатесы. Наверное, поэтому в СССР было очень много воровства. В каждом магазине, в продовольственном, в промтоварном, в каждой столовой, в кафе работники искали и находили возможности «дополнительного заработка». Так было и в службе быта, и на транспорте, и на промышленных предприятиях.

У меня сложилось впечатление, что Советский Союз был такой страной, где научиться плохому очень легко, как говорить «раз плюнуть», а вот научиться хорошему – красивым манерам, вежливости и доброжелательности – не так-то просто, сложно. Я видел, как люди стеснялись и даже боялись быть вежливыми, добрыми и предупредительными. Почему? Чтобы их не приняли за слабых и наивных дурачков и не оттолкнули, не оскорбили, не обогнали, не обсчитали и не обвесили, не отправили в конец очереди. Пусть это никогда больше не повторится с жителями нашей страны».

Наталья Кон – ко, 1950 года рождения: «Я выросла в небольшом поселке, а после школы поступила в институт в областном городе. В студенческом общежитии у меня были прекрасные подруги и друзья, добрые и отзывчивые, потому что в Советском Союзе людям прививали очень правильные, здоровые привычки и идеи. Юноши стремились получить значок ГТО и с гордостью носили его на лацкане пиджака. Многие носили серебряный значок, а не бронзовый. Это была их визитная карточка: смотрите, какой я сильный и выносливый! И это правильно. Здоровые, физически развитые люди – надежная опора любой страны. У моего мужа Миши был серебряный значок. Мы познакомились в институте, на первом курсе, а на последнем пошли в ЗАГС, расписались и по окончании учебы вместе поехали по распределению в другой край, далеко от наших мест.

Когда я жила при отце и при матери, они внушали мне, что безделье – безусловное зло. Нужно всегда трудиться. Труд – это жизнь. Мой муж Миша вышел из такой же семьи. В институте он учился лучше всех в нашей группе, был общественником, выполнял поручения комитета комсомола. Хорошо рисовал. Помню, когда один его приятель заленился и задумал бросить институт, Миша вызвал его на студенческий диспут и по этому случаю нарисовал

плакат с надписью «Без мученья нет ученья!». На диспуте Миша сказал своему ленивому приятелю: «Чудак! Неужели ты не понимаешь, что если сейчас, в юности, ты поддашься лени и она тебя одолеет, – конец: всю жизнь лень будет сидеть у тебя на шее. Пропадешь! Ничего путного не добьешься и от тоски и жалости к себе завоюешь!» После этого Миша говорил еще минут десять, но его приятеля-лентяя впечатлили уже самые первые слова, он не стал возражать, а пообещал исправиться и действительно взялся за учебу. Другим студентам, которые иногда ленились, Миша говорил: «Эх, вы! В капиталистических странах с вас за учебу в университете попросили бы столько долларов, фунтов или франков, что вы рты бы разинули, а потом с криком бросились бы по улице. А у нас в СССР образование бесплатное, в том числе высшее. Учитесь на здоровье! Кроме того, каждого из нас государство трудоустроит и обеспечит жильем. Да где это видано в капиталистическом мире?» Многих такие речи вразумляли. Еще бы: тебе выпала возможность стать инженером, специалистом, что впоследствии сделает твою жизнь не только интересной, но позволит при желании и очень многого добиться, а ты ленишься, кочевряжишься!

В нашем родном Советском Союзе учили хорошо. И хорошо заботились о студентах, принимали меры к тому, чтобы нам было удобно, уютно. И мы чувствовали эту заботу государства. В нашем студенческом общежитии, например, комнаты были трехместные. Всегда тишина и покой. В столовой кормили дешево и сытно. Обед стоил от 28 до 70 копеек, а уж на 1 рубль можно было наесться на весь день! В буфете тоже торговали недорогой едой, по карману любому студенту. Пирожки с повидлом, с капустой, с картошкой стоили 7 копеек. Только пирожок с печенкой стоил 8 копеек. Но что такое 8 копеек? Если у тебя в кармане только две монетки – 20 копеек и 5 копеек, считай, ты уже сыт, потому что три пирожка с печенкой – это серьезная еда, плотный перекус. Мы с Мишей между занятиями любили покупать пирожки, а к ним часто покупали по полстакана сметаны, а иногда и по полному стакану, потом еще пили чай с плюшками или кексами. Плюшка с повидлом стоила 20 копеек, кекс – 14, чай с сахаром – 4 копейки. На фотографиях тех лет мы и наши друзья-студенты выглядим здоровыми и счастливыми. Худых, осунувшихся, изможденных людей не припомню. Все мы полноценно питались, занимались физкультурой. Физически слаборазвитые ребята ни за что не хотели отставать от всех остальных и записывались в спортивные секции. К третьему курсу они выглядели, как спортсмены. Об этом рассказывают снимки студенческих лет, фотографии нашего курса. Прошлое подделать нельзя, если оно зафиксировано на фотокарточках.

После государственных экзаменов мы с мужем получили распределение в город энергетиков, так как по специальности мы энергетики. И мы были очень рады, потому что слышали много хорошего об этом городе, хотя Миша всегда говорил, что поедет в любую область нашей страны, в любой край, куда бы ни направили.

Приехали, получили комнату в семейном общежитии. Спрашиваем: как обстоит дело с квартирами? Нам отвечают, что к молодым специалистам особое отношение. Так нам сказал и парторг предприятия. Такова, говорит, государственная политика – поддерживать молодых специалистов, поэтому будем искать возможность выделить вам отдельную квартиру. Всего через три месяца нам с Мишей выдали ордер на однокомнатную квартирку, но при этом не забыли уточнить, что с увеличением численности нашей семьи мы можем рассчитывать и на увеличение жилплощади. Мы были счастливы! Уже на следующий день попрощались с общежитием и переехали. Ходили, осматривали нашу первую в жизни квартиру и улыбались. Кухня 6 метров, комната 19, санузел раздельный. Ванная не маленькая, средняя. Даже коридорчик имеется, и две кладовые, одна побольше, другая поменьше. Ну и как же тут не уважать наше государство? Откуда взялись бы плохие слова или даже плохие мысли о нашей социалистической Родине? Мы, совсем еще молодые, закончили институт, прибыли по распределению на предприятие, где нас встретили очень хорошо, как нельзя лучше, и

чем же мы можем быть недовольны? Мебели нет – ерунда, заработаем, купим. Купим все: посуду, телевизор, холодильник шторы, ковры, книги, даже картины. Так мы рассуждали. И так и получилось! Купили все, что нужно, все приобрели, потому что неплохо зарабатывали. Впрочем, и тут государство оказало нам помощь и поддержку.

Сначала купили холодильник, телевизор, двуспальную кровать, шкаф, кухонный стол и посуду. Это обошлось нам больше 1000 рублей. Деньги большие. Вот так сразу, в одно мгновение, они у нас появиться не могли, но мы получили их через профком предприятия. Написали заявление, и нам выдали нужную сумму, оформили как «подъемные». Это была официальная практика – «подъемные». Постепенно приобрели и другие необходимые предметы. Когда я была в декретном отпуске, 1 год, наше предприятие, как и положено, выплачивало мне зарплату. Потом я еще год находилась в неоплачиваемом отпуске, мы жили на Мишин заработок. Жили скромно, но не бедствовали. Миша был на должности сменного инженера, зарабатывал 150 рублей в месяц. Около 80 рублей мы тратили на еду. На завтрак всегда ели кашу с молоком, сливочное масло, булки, ватрушки. Пили кофе, чай. Муж обедал на работе, в столовой, а я варила суп, кисель, тушила овощи, жарила картофельные или овощные котлеты, сырники, лепила пельмени, вареники. Делала картофельное пюре, варила макароны, рис. Мясные котлеты, полуфабрикат, мы покупали в кулинарии, она находилась в соседнем доме. Мясные котлеты были очень хорошие, стоили всего 12 копеек за штуку. Я покупала сразу десять штук, на три-четыре дня. Варенье мы тоже предпочитали готовое, из овощного магазина, оно было в полулитровых баночках, производства «Плодоовощторга». Клубничное стоило 1 рубль 30 копеек. Смородиновое – 1 рубль 10 копеек. Продавали еще грушевое варенье, варенье из айвы, из крыжовника. Ассортимент консервов был не маленький. Рыбные консервы предлагались пяти-шести видов, овощные – до десяти видов. Консервированные огурцы стоили 63 копейки за килограммовую банку. Сардины в масле – 60 копеек. Всегда можно было купить очень вкусную жирную, пряную сельдь, атлантическую или тихоокеанскую, на развес и в жестяных овальных коробках. Одна средняя рыбка на развес стоила от 25 до 40 копеек. Коробка стоила 2 рубля 60 копеек. Сосиски, сардельки, колбасу мы покупали в обычном гастрономе. Поскольку это были натуральные, скоропортящиеся продукты, то с мясокомбината в магазин их завозили в таком количестве, чтобы в течение дня они реализовались без остатка. Вот почему под вечер иногда в гастрономе уже не было ни сосисок, ни колбасы. Продавцы говорили: «Приходите завтра утром, в обед или после обеда». Товар привозили каждый день. Магазин нарочно не заказывал слишком много колбасы, сосисок и прочих мясных продуктов, чтобы посетители всегда могли купить их свежими. Такого случая, чтобы хотя бы один день мясных продуктов не было вовсе, я не припомню. Сосиски стоили от 1 рубля 90 копеек до 2 рублей 60 копеек. Колбаса любительская стоила 2 рубля 50 копеек, докторская – 2.70. Дороже всего стоила языковая колбаса – 3.40, а также свиная сырокопченая. Этот товар, вероятно, не пользовался большим спросом, поэтому языковую колбасу и сырокопченые колбасы завозили в магазин чаще всего к выходным и праздничным дням. Зато в продажу всегда поступала необычайно вкусная ливерная колбаса. Она стоила 1 рубль 10 копеек за килограмм. Свежая, только с завода ливерная колбаса на ломтике черного хлеба и с обыкновенной горчицей – это объеденье!

Мы покупали колбасу, сосиски через день, понемногу, по триста граммов, по полкило. И всегда они были очень свежие. Пищевая промышленность в СССР производила только доброкачественные продукты. Никогда не слышала о массовых отравлениях и никогда не видела, чтобы у того или иного продукта закончился срок реализации, а он все еще лежит на прилавке. В Советском Союзе подобного быть не могло. Помню, как в детстве старые люди рассказывали нам, школьникам, что до революции, при царе, отравиться плохой едой было обычным делом. Каждый день кто-нибудь умирал. Купил еду, пообедал – и помер. Особенно плохо было с куриными яйцами, свежих яиц нужно было поискать. Мы слушали и морщи-

лись. У нас в СССР яйца поступали в продажу только свежие. За всю свою жизнь в Советском Союзе я, обыкновенная советская хозяйка, не видела испорченного яйца! Испорченные продовольственные товары своевременно изымались из реализации, потому что контроль за качеством товаров осуществлялся постоянный и повсеместный. В нашем хлебном магазине, например, черствый хлеб был редкостью. Прокисшее молоко в бутылках мне отродясь не попадалось. Вообще молочные продукты в СССР имели отменное качество. И эти бутылочки – кефир, молоко, сливки, снежок – было очень приятно покупать из-за красивых крышечек из фольги, зеленых, синих, фиолетовых.

Мы любили пить чай с конфетами, и ассортимент конфет предлагался огромный. Наверное, два десятка наименований. Шоколадные конфеты были очень ароматные и вкусные, ну просто волшебные. И когда я заходила в кондитерский отдел, то уже чувствовала себя счастливой. Мы покупали конфеты на неделю, по пятьдесят и сто граммов три-четыре наименования. За карамельные конфеты просили не больше рубля за килограмм. А шоколадные конфеты, естественно, стоили дороже, от 2 рублей с копейками до 7 рублей. Шоколад в плитках продавали где только можно, в каждом буфете, в каждой столовой, на автобусных станциях и даже в учреждениях при гардеробных. Какие у них были красивые обертки! Плитка шоколада стоила от полутора рубля до двух с половиной. Конфеты, шоколад и прочие кондитерские изделия были натуральными, без химических добавок, и все их любили, и дети, и взрослые. И все мы обожали торты. В нашем гастрономе их можно было купить в любую минуту и только свежие, ассортимент состоял из четырех-пяти наименований. Мы с мужем любили торт «Кофейный», изумительно вкусный, он стоил 2 рубля 40 копеек, весил 500 граммов. Мы покупали наш любимый торт к чаю по субботам, но съедали его не сразу, половину оставляли на воскресенье и обязательно по кусочку к завтраку в понедельник. К понедельнику торт немножко подсыхал, но становился от этого только вкуснее!

Помню, как легко решился вопрос с яслями. Я написала в профкоме нашего предприятия заявление о предоставлении мне места в детском саду-яслях, и мою просьбу удовлетворили без каких-либо возражений. А когда дочка подросла, нам выделили место в группе обычного детского сада. Со вторым ребенком, с младшей дочерью, вопрос с детским садом также решился без каких-либо затруднений. Детские учреждения в СССР были очень хорошие, нянечки и воспитательницы очень опытные, превосходно знающие свое дело.

С рождением второй дочери нам, как и было обещано, предоставили двухкомнатную квартиру. И мы ничуть в этом не сомневались! Потому что в СССР подобные решения принимались основательно, обстоятельно. Если уж власти решили предоставить той или иной семье жилплощадь – за этим дело не встанет. Железно! От предприятия нам выделили грузовую автомашину, причем абсолютно бесплатно. В какой еще стране, кроме Советского Союза, это возможно? Прибыл грузовичок, выскочил бодрый, услужливый водитель и сказал: «Грузите, дорогие граждане, свои вещи да поскорее. Платить ничего не нужно!» Пришли друзья, помогли погрузить и перевезти наши пожитки, а потом, как полагается, мы устроили веселое и звонкое новоселье с праздничным угощением, с шампанским – все как у всех советских людей. Шампанское стоило около четырех рублей за бутылку и продавалось в любом гастрономе. Но мы покупали шампанское не только к празднику или по особому случаю, а и просто к выходным, потому что к нам часто заходили гости. Советские люди с удовольствием принимали гостей. Ведь нас учили быть добрыми и открытыми, чтобы сердца были распахнуты настежь, и мы такими и выросли!

Все мы жили примерно одинаково, и в этом был большой смысл, а я считаю, что это и огромное достижение! Представьте себе улицу, район, город, где люди одинаково хорошо устроены, все у них есть, все необходимое. Они учатся, работают на предприятиях, служат в учреждениях, создают семьи, заводят детей, и часто не одного ребенка, а двух и даже трех. Граждане СССР жили в счастье и покое не только потому, что у них было все, что нужно, а

еще потому что другого им ничего не требовалось. Они были уверены в себе и в государстве – чего же желать еще?

Я хорошо помню, о чем говорили советские люди, какие были разговоры на работе, в магазинах, на улицах: об обычной жизни, о текущих делах, об успехах и достижениях. Ни у кого не было озабоченности по поводу деятельности правительства. Никто не высказывал недовольства. Наоборот, люди обсуждали появление новых товаров, услуг, расширение ассортимента, улучшение качества, новаторство, новые технологии. Конечно, были недостатки, но они никого особенно не смущали, не нервировали. Истерики и других нервных выпадов относительно плохой работы в той или иной сфере народного хозяйства я не помню. Бывали только отдельные случаи. При этом все происходило сдержанно, цивилизованно. Если кому-то не нравилась работа конкретной службы, органа, предприятия, он имел право пожаловаться в вышестоящие организации в письменном виде. И люди так и поступали. И на подобные жалобы власти обязательно реагировали, предпринимали меры по устранению недостатков. Я видела результаты таких жалоб и могу сказать, что разговоры о повсеместной бесхозяйственности и бездарном управлении в СССР – это вздор, глупости. В нашем городе все магазины, все предприятия службы быта, предприятия транспорта и прочие учреждения работали хорошо, даже отлично. Иначе в моей памяти сохранились бы другие факты, отрицательного толка. А их нет. Почему же их нет? Ведь я нормальный человек, фиксирую в памяти то, что вижу и слышу. Вот, к примеру, когда по телевизору показывали жизнь безработных и бездомных в Америке, все мы, советские люди, на всю жизнь запомнили эти унылые, угрюмые лица, этот подавленный, растерянный взгляд и помятый, неопрятный, неухоженный вид несчастных американцев, выброшенных на обочину жизни. Они сидели на тротуарах у стен зданий, рассеянно слонялись, заглядывали в мусорные баки, спали на парковых скамейках, и мы понимали: вон сколько людей мучается в Америке, не один, не два, а сотни, тысячи живут впроголодь, замерзают на улицах! А в СССР разве можно было представить себе этакое? Где, в какой республике, в каком городе? Нет, невозможно! Все советские люди трудоустроены, имеют жилье, каждому предоставлена возможность бесплатно учиться и лечиться. Заболел – приходишь в поликлинику, берешь в регистратуре талон, идешь на прием к врачу, он тебя осматривает, простукивает, назначает лечение, и никому не придет в голову говорить о деньгах. Прощаешься с врачом и ни копейки ему не должен! Мы с мужем бесплатно получили высшее образование, нас обоих трудоустроили на замечательное предприятие, предоставили квартиру. Мы получили от нашего родного Советского Союза столько пользы и добра, что какой-нибудь житель любой капиталистической страны развел бы руками: «За что? За какие заслуги? Прямо как в сказке!» А ведь жизнь в СССР и была сказочной – только так и можно выразиться. Мы с мужем захотели стать инженерами – и пожалуйста: наше славное государство выучило нас, предоставило нам работу и жилье, детский сад и школу для наших детей, а взамен от нас потребовалось лишь трудолюбие и усердие.

Город, который был для нас когда-то незнакомым, стал родным. Чистенькие улицы, аккуратные, опрятные дома, исправно работают прачечные, ателье, кафе, рестораны, кино-театры, бесперебойно курсируют автобусы и такси, и нигде не встретишь несчастных, голодных, подавленных людей, слоняющихся без дела, ночующих на улице. В капиталистических странах много хороших городских районов, где построены роскошные дворцы и особняки для толстосумов-богачей, однако немало и убогих, заваленных мусором кварталов, где живут бедняки и прочие нуждающиеся люди. А у нас в СССР подобное разделение немыслимо, все граждане равны, у всех равные права и условия. Можно ли вообразить себе квартал в СССР, заваленный мусором, где живут какие-то бедолаги и горемыки? Смешно!

Я любила все времена года в нашем городе, но особенно – раннюю сухую осень. Темнеет, зажигаются фонари, витрины... Я иду с работы, захожу в гастроном, покупаю что-

нибудь на ужин, потом заглядываю в бакалею, чтобы купить сладкого к чаю, встречаю знакомых, обмениваюсь новостями. На улицах чистота, порядок. Люди довольны жизнью. Школьники после уроков спешат в клубы, в Дом пионеров, там они интересно проводят время, развиваются. Мои дочери тоже посещали детские и подростковые кружки и секции. Пенсионеры возвращаются с бульваров, где они прогуливались, дышали воздухом, играли в шашки и шахматы. Жизнь течет спокойно и правильно. Бывало, зайду в библиотеку, возьму интересную книжку и домой не шагаю, а почти бегу! Так радостно, так хорошо было на душе. И я знала, что завтра все это повторится!

Мы жили в великом государстве – СССР, в нашем родном, единственном Советском Союзе. Я вернулась бы туда в любое мгновение».

Анастасия Се – нова, 1950 года рождения: «Я уехала из родного поселка в областной город, поступила в институт. Мама была очень рада и всем рассказывала, что я стану инженером-технологом, начальницей, буду жить в достатке, потому что у начальников хорошие зарплаты. Мама была полуграмотная женщина, писала с ошибками, выводила такие каракули, что я будучи еще школьницей тряслась от смеха. Но мамуля не потому была малограмотная, что в свое время не имела возможности учиться, а попросту ленилась. Ей всегда нравилось лежать на боку на диване, слушать рассказы нашей бабули, подруг или соседей, пить чай с булками и вареньем. Ни книг, ни газет мама не читала из-за той же лени. В доме прибиралась кое-как, полы и посуду мыла с тоской и тоже еле-еле, насилу. Готовить не любила. Труд ненавидела. В общем была лежебока. Впрочем, таковой она себя не считала, а предпочитала говорить, что она «слишком домашняя» дама, вот и все.

В школе я была хорошисткой, любила точные науки. По математике, физике и химии занималась лучше всех. Отличников в нашей школе не было, зато существовала проблема второгодничества. Некоторые мальчишки, с которыми я пошла в первый класс, по два раза оставались на второй год, кто в первом, кто во втором и третьем классе. Но им было все равно. Они ничего плохого в этом не видели. Их отцы были пьяницами, а у иных пьяницами были даже и матери. Мой папа тоже пил спиртное каждую неделю, по субботам, не пропустил, наверное, ни одной. И так из года в год. Придет с работы с каким-нибудь своим дружкой-приятелем, а то и с двумя, сядут за стол, нарежут хлеба и сала, достанут из банок квашеной капусты и соленых огурцов и весь вечер пьют водку. Каждый выпивал по бутылке. А мамуля лежит на боку на диване, слушает их разговоры, а иногда что-то спрашивает, уточняет. Она была любопытная.

В нашем поселке жизнь протекала уныло, малоинтересно. Пойти некуда. Все ходили только на базар и в клуб на киносеанс, но только не вечером, так как вечером возле клуба почти всегда вспыхивала драка между парнями из разных районов. Мне кажется, это примета советского времени: злоба и нетерпимость парней одного поселкового района к своим же сверстникам из другого. Сколько раз я слышала об этом от людей из разных краев и республик! Расстояния в стране огромные, тысячи километров, а рассказы одни и те же, обстановка схожая, почти одинаковая. У нас дрались очень жестоко – палками, ремнями, цепями. Женщин и девушек не трогали. Детей тоже. Но между собой наши парни схватывались нещадно, чуть ли не насмерть. Наверное, оттого что жизнь была убогая и однообразная: серые деревянные дома, серые заборы, в каждом дворе собака гремит цепью, на улицах то сугробы, то непролазная грязь, то ямы, то колдобины, в доме сидеть – тоска, по улице ходить – скука. Парни росли злыми, грубыми, рано начинали курить и пить спиртное. Никогда не видала некурящего мужчины из нашего поселка или совсем непьющего. Все носили с собой табак, сигареты, папиросы, дымили, сплевывали под ноги, и все пили спиртное. Пьянство было так же обыкновенно, как проплывающие в небе облака. Но не только это было ужасно. Парни и их отцы сквернословили и стремились показать свое невежество, оно было у нас

в большой моде. То есть прослыть недалеким человеком, не знающим, откуда что берется в окружающем мире – это была верная, правильная система поведения. И наоборот: за осведомленность, грамотную, не исковерканную речь можно было получить по зубам. Бывали у нас такие случаи с приезжими, их били даже за обыкновенные знания на уровне школьной программы, а не за какой-то неслыханный запас сведений. До сих пор спрашиваю себя: это и был социализм? А СССР был государством нового типа?

В наших поселковых магазинах никогда не бывало мясных продуктов, их попросту не завозили. Мясной рацион наши жители были вынуждены обеспечивать себе сами, разводили кур, свиней, коров, кроликов. У нас были кролики. И мы с сестрой ходили за поселок рвать для них свежую траву. Так однажды я познакомилась с одной приезжей женщиной, родственницей нашей соседки, тети Вали. Они тоже рвали траву и набивали ею мешки. И вот эта женщина оказалась инженером-технологом из большого города, с крупного предприятия, и стала рассказывать о том, какая у нее интересная работа – следить за технологическим процессом на большом заводе. Она произносила слова «план», «госзаказ», «объединение», «прогрессивка», «поставка в десять республик», которые показались мне частью какой-то яркой, полноценной, грандиозной жизни. Мы ходили вместе рвать траву не один день, и я слушала городскую даму с возрастающим изумлением. Наконец я решила, что выучусь и тоже стану инженером-технологом. Я перешла тогда уже в десятый класс. Мне оставалось учиться один год. Я принялась усердно заниматься по физике и химии, и через год моя мечта сбылась – я стала студенткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.